

— Подойди, спрошу кое-что, — Чжу Яньинь поманил его пальцем.

Чжу Сяосуй подбежал поближе:

— О чём вы хотите спросить, молодой господин?

— Когда ушёл Владыка дворца Ли?

— Совсем недавно, буквально полчашки чая назад.

Взгляд Чжу Яньиня стал туманным, а на душе сделалось смутно. «Разве не видишь ты, как воды Хуанхэ низвергаются с небес...» — но с какой стати этот дьявол тоже дрыхнет два часа в обеденное время, а после «уносится к морю, чтоб не вернуться вспять»? Разве это разумно?

Чжу Сяосуй недоумевал:

— Молодой господин, что это у вас за лицо?

Чжу Яньинь всё ещё не желал сдаваться и, цепляясь за последнюю призрачную надежду, спросил:

— А когда Владыка дворца Ли уходил, он часом не выглядел спешащим, так что даже по сторонам не смотрел и никого не замечал?

Чжу Сяосуй безжалостно ответил, что вовсе нет: мол, Владыка дворца Ли выглядел весьма праздным, он даже в Зал Тяньчжу не пошёл, а до сих пор сидит во дворе и греется на солнышке.

Чжу Яньинь горестно вздохнул и плашмя повалился обратно на постель. «Ладно, пожалуй, мне лучше вернуться в Цзяннань».

Чжу Сяосуй несказанно удивился: молодой господин только-только проснулся, почему он опять ложится?

— Лень шевелиться, — обречённо буркнул Чжу Яньинь. Он натянул одеяло на голову и остался лежать ничком в крайне нелепой позе.

Чжу Сяосуй вдруг тихо произнёс:

— Владыка дворца Ли.

Из-под одеяла раздался глухой голос:

— Какого ещё Владыку... Иди и скажи Владыке дворца Ли, что у меня кружится голова, мне нездоровится, и сегодня я с постели не встану. Да и в ближайшие три-пять дней, возможно, тоже не поднимусь — там видно будет. Учёные люди всегда слабы здоровьем.

Но Чжу Сяосуй, присев у кровати, сквозь зубы едва слышно прошептал: молодой господин, я имею в виду, что Владыка дворца Ли стоит прямо в дверях.

Отнюдь не богатырское тело Чжу Яньиня тут же содрогнулось.

Если предыдущую его позу можно было сравнить с посадкой риса, то нынешняя напоминала полёт на Луну — нелепее и не придумаешь.

Благородный и утончённый учёный не вынес такого потрясения, поэтому поспешил снова укрыться одеялом с головой, чтобы прийти в себя.

Ли Суй приказал:

— Ступай пока.

Маленький слуга забеспокоился: «И впрямь нужно уходить? Мне кажется, с молодым господином творится что-то неладное».

Чжу Яньинь и сам не желал оставаться наедине с Ли Суем, поэтому медленно высунул руку, пытаясь ухватиться за Чжу Сяосуя, но вместо этого Ли Суй аккуратно перехватил его за палец:

— Раз уж проснулся, пойдём прогуляемся.

— ...

Спрятаться уже не выйдет. Чжу Яньинь немного стянул одеяло и с невозмутимым видом... по крайней мере, внешне невозмутимым, перевернулся на спину, приняв чинную позу:

— Куда?

Ли Суй усмехнулся:

— Куда угодно. В этой усадьбе душно и шумно, а на улице посвежее.

«Тоже верно». Чжу Яньинь добавил:

— Тогда мне нужно переодеться.

Ли Суй кивнул и вышел во двор подождать его.

Спустя время, нужное для горения одной ароматической палочки, дверь со скрипом отворилась. Второй молодой господин Чжу величественно явился взору. В руке он держал нефритовый веер, выглядя ещё более роскошно и ослепительно — истинный образец элегантного, утончённого цзяньнаньского учёного (с весьма причудливой позой для сна).

Деревушка была совсем маленькой, так что ехать верхом или брать с собой слугу не требовалось.

Некоторое время они не спеша шли вдоль межей между полями. Прохладный вечерний ветерок немного разрядил неловкость. Чжу Яньинь посчитал нужным как-то оправдаться за давешнее «иди и скажи Владыке дворца Ли, что у меня кружится голова», а потому, пытаясь скрыть смущение, проворчал: почему ты не разбудил меня, когда сам проснулся? У меня теперь вся голова гудит от этого сна.

Ли Суй ответил:

— В следующий раз разбужу.

Чжу Яньинь перепрыгнул через канаву.

Ли Суй придержал его за руку:

— Осторожнее, скользко.

Чжу Яньинь спросил:

— Ты разговаривал с Божественным целителем Цзяном? Пань Цзиньхуа действительно уже ничем не помочь?

— Жизнь ему сохранят, так что надежда ещё есть, — Ли Суй помог ему спуститься на ровное место. — Но в будущем это может принести немало хлопот.

— Кому именно?

— Мне, Цзян Шэнлиню и Пань Шихоу.

Чжу Яньинь немного подумал и сказал:

— Вчера вечером Божественный целитель Цзян вопреки уговорам пришёл осмотреть твои раны. А сейчас Пань Цзиньхуа тяжело ранен, лежит без сознания и, возможно, лишится рассудка. Думаешь, Пань Шихоу свяжет эти события и решит, будто ты и целитель сгубили его сына, и поэтому станет доставлять неприятности?

Ли Суй кивнул:

— Такое возможно.

— А какие хлопоты ждут самого Пань Шихоу?

— Он до сих пор внятно не объяснил, откуда взялся яд Пань Цзиньхуа, — ответил Ли Суй. — Раз Цзян Шэнлинь говорит, что это не из-за укуса, значит, так оно и есть. Ещё в Байтоучэне Пань Цзиньхуа пошёл на сделку с Демоническим культом. Я один раз пощадил его, но второго раза не будет.

— В таком случае Пань Шихоу, должно быть, возненавидит тебя до глубины души, — заметил Чжу Яньинь. — На самом деле, раз уж ты пощадил его однажды, почему бы не сделать это снова? Пань Цзиньхуа теперь всё равно калека и проведёт остаток дней прикованным к постели. К тому же ты не хочешь окончательно ссориться с Залом Тяньчжу, так почему бы просто не пойти им навстречу и не проявить великодушие?

— Если я останусь в стороне, Демонический культ может явиться к Залу Тяньчжу и в третий раз. Пань Цзиньхуа теперь и впрямь калека, однако Зал Тяньчжу держится не на нём одном.

Чжу Яньинь нахмурился:

— Хочешь сказать, что Демонический культ может сыграть на слепой отцовской любви Пань Шихоу и его обиде на тебя с Божественным целителем Цзяном, чтобы рассорить вас и переманить Зал Тяньчжу на свою сторону?

Ли Суй подтвердил:

— Да.

У Чжу Яньиня даже голова разболелась от этих интриг. Неужели в Зале Тяньчжу не осталось ни одного здравомыслящего человека, раз они готовы пойти на подобное?

— Мы ведь вышли развеяться, так что давай не будем об этом, — Ли Суй легонько похлопал его по голове. — Поговорим о чём-нибудь весёлом.

— Например?

— Например, о том, как ты только что разговаривал во сне...

— Исключено!

Ли Суй проявил завидное терпение:

— Говорил-говорил.

Чжу Яньинь отрезал: «Ничего я не говорил, это у тебя со слухом проблемы».

Владыка дворца Ли приподнял бровь:

— ?

Чжу Яньинь, упрямо глядя прямо перед собой, прибавил шаг.

«Ничего не было, абсолютно ничего».

Вот так, перешучиваясь и никуда не торопясь, они дошли от восточного края деревни до западного. К тому времени солнце уже скрылось за горизонтом, а на небе высыпали звёзды. Устроившись за столиком уличной лавки, они плечом к плечу съели по чашке лапши.

Чжу Яньинь ковырялся палочками в своей чашке и между делом спросил: думал ли ты когда-нибудь, какую жизнь хотел бы вести в старости?

Ли Суй ещё не вытряс из Цзян Шэнлиня обещанные пятьдесят лет жизни, так что о старости толком не задумывался. Но раз уж его спросили, он поддержал разговор и ответил: пожалуй, отыскал бы глухую тихую деревушку вроде этой, чтобы жить там в полном уединении, вдали от чужих глаз.

И следом поинтересовался: «А ты?»

— А мне по душе оживлённые и богатые места вроде Лючэна или Ванчэна, — честно признался Чжу Яньинь. Да даже Цзиньчэн подошёл бы — там по крайней мере есть экипажи и тракты, дороги ведут во все стороны, и путешествовать легко. Больше всего его удивляло другое: — Почему все вы, люди из цзянху, отойдя от дел, непременно стремитесь в какую-нибудь глухомань? Неужели вам не кажется, что там на каждом шагу сталкиваешься с неудобствами?

От такого вопроса Ли Суй на мгновение лишился дара речи. К счастью, лицо его обычно не выражало никаких эмоций, поэтому внешне он остался совершенно спокоен:

— Возможно, они боятся мести врагов.

— Неужели даже ты боишься?

— Не боюсь.

— Тогда зачем тебе глухая деревня?

— ...Пожить дня три-пять, развеяться.

Чжу Яньинь с облегчением вздохнул: если всего на три-пять дней, тогда ладно. Он участливо добавил, что можно пожить и полмесяца, но дольше точно не стоит. Ведь он... точнее, ведь Ли Суй привык к величественным покоем Дворца Ваньжэнь и наверняка не вынесет тягот деревенской мазанки. Жизнь всё-таки должна быть комфортной и безбедной.

Ли Суй ответил:

— Как скажешь.

Чжу Яньинь, и бровью не поведя, кивнул: «Вот и славно».

Ли Суй усмехнулся и продолжил есть лапшу. Из-за того что они слишком долго спали днём, обоим совсем не хотелось спать, так что они гуляли допоздна и вернулись только глухой ночью. Ли Суй проводил Чжу Яньиня до спальни. Стоило ему развернуться, как он увидел зевающего Цзян Шэнлиня. Тот выглядел совершенно разбитым и сонным. Со стоном навалившись на каменный стол, целитель пробормотал:

— Сходи принеси мне чего-нибудь перекусить.

— Люди из Зала Тяньчжу после полудня приходили за Божественным целителем трижды, — сказала Лань Янь, отправляя слуг за едой. — Однако слуги из Усадьбы Чжу всех их спровадили.

— Пусть хоть тридцать раз приходят — толку всё равно не будет. То, что Пань Цзиньхуа остался жив, уже великое везение, — Цзян Шэнлинь потёр виски. — А Пань Шихоу к тебе не приходил?

— Нет, — ответил Ли Суй. — Скорее всего, ему сейчас не до того. Или же он уже считает меня главным виновником беды, приключившейся с его сыном. Иначе, зная его хитрый и изворотливый нрав, вчера он мог забыть о приличиях из-за тревоги за сына, но сегодня непременно явился бы с заискивающей улыбкой, пытаясь загладить вину.

Лань Янь скривила губы:

— Прежде он заискивал перед Дворцом Ваньжэнь лишь для того, чтобы облегчить сыну путь в будущем. Теперь же, когда сын искалечен, незачем и стараться. А нам только спокойнее.

Цзян Шэнлинь произнёс:

— Есть ещё кое-что, о чём я не успел рассказать сегодня утром.

Пань Цзиньхуа не только пичкали снадобьями для совершенствования боевых искусств — его разум явно одурманили. Все его мысли были заняты лишь одним: убить Ли Суя. Даже во время осмотра он, находясь на грани жизни и смерти, непрестанно бормотал: «Убить Ли Суя, убить Ли Суя...»